

РЕЗЮМЕ

**Т. Хайду: Начало политической деятельности Михая Каройи
(1901—1909)**

Хотя Михай Каройи в своих мемуарах писал, что его политическая деятельность началась с 1909 г., на самом деле он вступил на политическую арену, когда в 1899 году он был назначен членом верхней палаты, потом в 1901 г. был выдвинут, правда безуспешно, кандидатом в депутаты парламента. Настоящее его выступление в политической жизни все же связано с политическим кризисом 1905 г. В это время как сторонник Алберта Аппони вступил в объединенную партию независимости и на своем имении был избран в недолговечную палату депутатов 1905 г.

В 1905 году Каройи относился к группе магнатов-аграриев, был сторонник ее единства и вне своей партии держал хорошие отношения с т. н. «либеральными беженцами», сторонниками Дылы Андраши и Шандора Каройи. В это время он еще далек от радикального крыла партии независимости, но не раз выступил против сторонников Иштвана Тисы и правительства Фейервари.

Во время правления Фейервари и в период национального сопротивления он развивал немаловажную, но недвусмысленную деятельность. Пользуясь своей поездкой в США, он не выступил кандидатом на выборах 1905 г. и позже тоже оставался в стороне от попыток по его политической активизации. Несмотря на то, что Каройи остался до самого конца сторонником коалиции, он критически относился к правлению коалиции. По его высказываниям можно сделать вывод, что лозунги национальной борьбы пока он считал чрезмерными и пропагандистскими, тем самым в духе Шандора Каройи он ожидал больше социальных мероприятий от правительства Векерле. Высказывания Каройи даже свидетельствуют и о том, что уже в это время с возрастающим интересом изучал идеи социализма.

Во время правления коалиционного правительства он развивал общественную деятельность в качестве члена руководства потребительской кооперацией «Хандья» («Муравей») с одной стороны, и руководителя различных националистских культурных объединений. Самым значительным фактом был его избрание в феврале 1909 г. председателем Общегосударственного объединения крупных землевладельцев (ОМГЕ), вернее его переизбрание в апреле того года, так как первый раз он отказался от этого. Автор статьи указывает и политическое значение избрания. Выступление графа Зеленски за свержение графа Аурела Дежевфи и за свое избрание составило часть осторожной акции Иштвана Тисы вернуть себе власть. Каройи как единый кандидат всех партий коалиции был призван препятствовать, чтобы ОМГЕ попало в руки Тисы и Зеленски.

Дь. Литван: Документы дружбы

(Переписка Михая Каройи и Оскара Яси)

В истекшие годы архивное наследие Михая Каройи в Будапеште и Оскара Яси в Нью-Йоркском Колумбийском университете пости в то же время стало доступным для исследователей. В этом наследии находится их переписка между 1919 и 1949, которая по объему и богатству содержания имеет важное значение. В свете нескольких сот писем, но используя и другие рукописные и печатные источники, автор настоящей статьи обобщает дружбу и историю личных и политических контактов двух политиков.

Их жизненные пути (сверх того, что по времени охватывают почти одинаковый период; оба родились в 1875 году, Каройи умер в 1966, а Яси — в 1957 г.) были тесно связаны друг с другом и показали отчасти важные параллели, отчасти поучительные про-

тиворечия и наконец два жизненных пути уклонились друг от друга, так как два мужчины дали отличающие ответы на узловые вопросы эпохи и по проблемам путей демократии и социализма в международном отношении и в Венгрии.

Аристократ, крупный землевладелец, Каройи добрался от политического консерватизма до взятия идей социализма и его последствий в Венгрии. В этом процессе развития важная роль принадлежала Оскару Яси, который с начала столетия был выдающейся фигурой демократических, политических и культурных движений в Венгрии. В лагере прогрессии он первый отмечал значение Каройи и в 1910-е годы на общей платформе национальной независимости и демократического преобразования они стали взаимодействовать. Это стало основой их прочной дружбы и тесного сотрудничества, которые продолжались не только в период руководимой ими буржуазно-демократической революции и правительства (октябрь 1918 — март 1919), но и за последовавшей затем пять лет, когда они стояли во главе венгерских эмигрантов-демократов, боровшихся против контрреволюционного режима. Однако начиная с 1920 года — как об этом свидетельствует их переписка этого периода — они вели повторную и все более обостряющуюся полемику друг с другом в вопросе о дальнейших целях и главным образом об отношениях ко коммунизму, Советскому Союзу и коммунистической партии. В Советском Союзе и международном рабочем движении Каройи признал реальную и необходимую силу международного прогресса и борьбы с режимом Хорти и с европейским фашизмом. Яси же жестко противопоставлялся ленинской идеи диктатуры пролетариата и всеми силами старался отдалять своего друга от соединения с коммунистами. В 1930 году Каройи совершил поездку в США и в это время между ними произошел открытый политический разрыв. Но их личная дружба и переписка не прекратились даже в годы второй мировой войны они возобновили все политическое взаимодействие в рамках антифашистского движения венгерских эмигрантов, проживших на Западе. После войны Каройи вернулся из эмиграции на родину и послом Венгрии во Франции стремился служить делу международного взаимопонимания и европейского прогресса. В 1949 году он был принужденным опротестовать организацию процесса Ласло Райка и опять взялся жить в эмиграции. Яси же — хотя в 1947 году он проводил короткое время в Венгрии — все враждебнее выступил против развития и строя Венгрии и в начале 1949 года он написал свое последнее письмо на адрес Каройи и в этом он порвал их 30-летнюю дружбу. Но в 1955 году, после смерти Каройи, собрав остаток, он старался исправить этот неправильный и несправедливый шаг. Он опросил многих представителей венгерской эмиграции и намеревался написать статью о Каройи (эту статью он только начинал разработать) и этим попробовал отмечать большую историческую роль и значение Каройи.

Я. Йемниц: Политическая концепция и международные контакты Михая Каройи во время второй мировой войны

Вспышка второй мировой войны принесла в жизни Каройи не так большие изменения, как его современников. Его политические взгляды уже давно установились и в конечном счете он требовал для Венгрии демократических реформ (аграрной реформы, ликвидации феодальной политической системы и прогерманской внешней политики), но кроме этого он выводил социалистический перспектив и придавал большое значение примичению придунайских народов и созданию конфедерации.

Свои международные связи Каройи налаживал в соответствии со своей позицией. Война нашла его в эмиграции в Лондоне, где он смог взаимодействовать в первую очередь с левыми политиками лейбористской партии (Ласки, Брейльфорд, Бевин, Э. Уилкинсон, Страус). В ходе антифашистских акций ему легко получилось взаимодействовать с такими представителями английской интеллигенции, как с Б. Расселом, Дж. Гексли, или же в поздний период войны — Т. С. Элиотом.

Наряду с английскими контактами (и здесь говорится лишь о личных контактах и дружбе по единству взглядов, но связи по печати не упоминаются) Каройи мог установить контакты и с французскими, чехословацкими (Ян Масарик), югославскими (генерал Велебит), испанскими (Аскарате) и германскими эмигрантами, так как Лондон стал большим сборным пунктом эмигрантов всего европейского континента. Стоит упомянуть, что международные антифашистские организации, как напр. Fight for Freedom, или старые английские демократические, вернее лейбористские организации, как напр. Union of Democratic Control и Fabian society, регулярно вовлекали Каройи в антифашистские акции, попросили его дать информации о политическом развитии Венгрии, и сверх всего этого, опирались на него и в том, чтобы они точнее набросать планы по отношению к Европе после войны. И замечания Каройи всегда указывали налево и имели целью социалистическое преобразование Европы.

Эти стремления, планы и суждения уже длительное время были характерны для жизненного пути Каройи. Однако его международные связи проявили какой-то динамизм в ходе войны. Если в первые два года войны его деятельность и контакты кажутся скудными, ведь на 1938 и 1939 годы потрясение наложило свой отпечаток, то позднее, в 1942 и главным образом в 1943 г. эти контакты расширились и оживились. Можно отметить, что Каройи всегда брался за недвусмысленность и, в связи с этим, вступить в спор с редакторами Британской радиовещательной корпорации Би-би-си, которые проявили преувеличенное снисхождение к хортистским политикам. Именно эта принципиальность вызывала признание и со стороны западноевропейских демократов и социалистов, как это выясняется из сжатой формулировки письма Ласки от 1944 г.

Й. Герич: Защита государственного суверенитета и точки зрения применения «двух прав» в венгерских хрониках XII—XIII вв.

Исследования по дипломатике и истории права в венгерских хрониках XII—XIII вв. обнаруживают важные доказательства знания и применения римского и канонического права.

Эти установления вполне подкреплены замечаниями известного юриста канонического права, Кардиналиса Хостиензиса, прожившего в XIII веке. Согласно этому, аргументы римского права в Венгрии тоже использованы в тех случаях, когда венгерское обычное право оказывается неудовлетворительным.

Застрельщики римского и канонического права в Венгрии были правоведы «*clerici regis*». Знанию римского права в Венгрии равно как и по всей Европе содействовало изучение канонического права и элемент римского права посредничало каноническое право, вспомогательной дисциплиной которого было цивилистическое (гражданское) право.

Изучение римского права и применение его положений в светской жизни всей Европы в качестве вспомогательных источников доставили немало трудностей защитникам суверенитета отдельных государств.

С принятия Фридрихом I Барбароссой Ронкальских постановлений императоры династии Штауфенов в качестве *Authenticae* включили свои законы в Корпус Юстиниана, а положения возобновленного римского права стали считать обязательными для населения территорий, входивших раньше в Римскую империю. С другой стороны юристы Штауфенов старались объявить частью империи все территории, на которых применялось римское право.

С целью доказать свое господство над отдельными государствами и по светским делам, другая универсальная держава, папство, — подобно императорам династии Штауфенов — тоже ссылалась на факт бывших римских завоеваний и на римское право.

Автор статьи с этой точки зрения рассматривает вопросы применения, учения и разрешения римского права в праве «национальных» монархий Европы XII—XIII вв. и в этих рамках излагает мнение венгерского дворянства, сформулированное венгерской церковной интеллигенцией. В этом отношении венгерские хроники были использованы важными косвенными источниками.

Следует особо подчеркнуть, эстергомский архиепископ Лукач, обученный на французской земле, и его круг как выступили против удовлетворения требований Фридриха Барбароссы на «*imperialis auctoritas*» в Венгрии и в союзе с королем Франции постоянно за папу Александра III. Поступок Лукача во всех отношениях можно сопоставить с подобной ролью его современника архиепископа города Лунд Эскила в церковной и политической жизни Дании. Кажется, что венгерский хронист, проживший в середине XII века, относился к кругу Лукача. Венгерские хронисты XIII века — магистр П. в 1270—1272 гг. и Шимон Кезаи в 1282—1285 гг. — были одного мнения, согласно которому венгерский король и дворянство *in temporalibus* не подчинены ни императору, ни папе. Свои аргументы они опирают и на самостоятельность гунно-венгерского обычного права и для подтверждения их мнения они излагают, что скифов, представленных ими предками венгров и уннов, никто не победил, но сами они завоевали Паннонию и позорно изгнали римлян.

В политических дискуссиях после смерти (1290) короля Ласло IV одна из фракций венгерских магнатов ссылалась на аргумент, подобный вооруженному освоению Паннонии, в интересах защиты своего права на избрание короля и боровшись против назначения венгерского короля папой.

Л. Керекеш: Путь Австрийской республики до заключения женского протокола

В конце 1922 года путем опроса населения города Шопрон закончился т. н. бургенландский конфликт, оказавший отрицательное влияние на австро-венгерские отношения. Но отношения между двумя странами далеко не находились на точке равновесия. В Ав-

стри правительство Шобера старалось приобретать новых союзников и в области внешней политики и в интересах этого в конце 1921 года начинало приближаться к Чехословакии, которая пользовалась хозяйственно-политической поддержкой держав Антанты, поэтому приближение к ней представилось выгодным и для Австрии. С экономической точки зрения это было необходимым и потому что конференция по хозяйственным вопросам, проходившая осенью 1921 года в Порторозе, не принесла Австрии значительных и осязательных результатов. После тщательной подготовки в декабре проходили австро—чехословацкие переговоры в Лане, находящейся при Праге. Переговоры закончились заключением договора, обеспечивавшего выгоды для Австрии, признав неприкосновенность статус-кво Средней Европы, включенный в мирный договор.

Германское и венгерское правительства испытывали нерасположение к пражским договором и оценивали его, якобы Австрия присоединилась бы к Малой Антанте. В январе 1922 года в Вене премьер-министр Венгрии, граф Иштван Бетлен открыто высказал это опасение.

После заключения договора в Праге, правительством Шобера были предприняты дальнейшие шаги в интересах обеспечения международной экономической помощи. Эти усилия, однако, кончились безуспешно. Целый ряд внешних и внутренних причин приводил к падению правительства Шобера, потом к образованию правительства под руководством христианского социалиста И. Зайпела.

Летом 1922 года нарастающие трудности в области экономики приводили к новому размаху движений аншлюсса, которому способствовало и безуспешность Лондонской конференции. Инфляция, безработица, и структурные трудности в экономике Австрии усиливались в такой мере, что правительство Зайпела обращался с рядом нот к великим державам, в которых оно обратило внимание на опасность полного провала. Ввиду того, что эти предупреждения не дали результатов, Зайпел обращался непосредственно к тем державам, которые больше всего были заинтересованы в обеспечении будущего Австрии. Он вел переговоры в Берлине, Праге, и Вероне и в их ходе вызвал интерес германского, итальянского и чехословацкого правительств к Австрии, потом при помощи этих правительств ему удалось добиться, что Лига наций поставила на повестку дня проблему санации Австрии.

4 октября 1922 года был заключен Женевский протокол, в котором Австрия вновь утверждала программу национальной независимости, находившую свое выражение в мирном договоре. За счет этого Лига наций поручилась за экономическое восстановление Австрии. Заключением Женевского протокола завершился кризисный период, последовавший разлому дуалистической монархии; новая австрийская республика вступила на путь международной и внутренней консолидации.

М. Ормош: Вопрос безопасности и аншлюсс

Автор рассматривает вопросы присоединения Австрии к Германии и ее самостоятельности и точки зрения французской концепции безопасности.

Позицию автора можно суммировать в следующем: на мирной конференции французское правительство вынудило запрещение аншлюсса руководствуясь намерением, чтобы на случай предположенного прихода Германии на себя и новой ее экспансии сделать непреходимым препятствие, созданное в Средней Европе. Существенными чертами этой концепции должны были стать обеспечение самостоятельного существования Австрии, с одной стороны, и включение ее в рамки придунайского окончательного единства, действующего более или менее гармонически, с другой стороны.

В 20-е годы французское правительство рассматривало австрийскую проблему в первую очередь как экономическую, имевшую тесную связь с экономическим сотрудничеством государств-преемников и считало, что вопрос аншлюсса будет решен — в соответствии с упомянутой концепцией — не в Берлине, а в Вене.

Усилия французского правительства к экономическому примирению этой территории по очереди потерпели крах. Главная причина этого состояла в том, что Франция не могла обеспечивать действенное управление экономикой и воздействие на эту территорию; изнанкой же этого была структура своей собственной экономики. Другая причина неудачи — тот факт, что другие державы прямо или косвенно перпятствовали стремления Франции. Наконец удачу исключило то обстоятельство, что государства-преемники все без исключения возникли программой создания самостоятельной национальной экономики. Следовательно они не проявили ни малейшей склонности к любому тесному сотрудничеству между собой. Отрицательное поведение Австрии было подтверждено историческими пам-

ятниками прошлого. Автор иллюстрирует, что единственный политик этого региона, Бенеш, который порой воспринял в этом вопросе опасность партикуляризма, не мог осуществлять свою позицию ни в парламенте, ни в правительстве Чехословакии. В отношении других правительств никогда не возник вопрос об экономическом сотрудничестве с Австрией.

Хозяйственно-финансовые попытки Франции окончательно потерпели крах в виде плана Тардьё в 1932 г. Недолго после этого место решения вопроса об аншлюссе переместилось из Вена в Берлин и этим явственно выявилось, что сама эта зона не в силах, вернее не намерена предоставить новую политическую гарантию, корую надо искать за ее пределы.

Начиная с 1932 г. попытки Франции по вопросам аншлюса (и вообще по восточному вопросу) характеризуются требованием обеспечения политических гарантий. Это нашло свое выражение в том, что конкретно оформилась мысль, выдвинутая раньше Брианом, по которой Австрию надо постепенно заинтересовать в этом районе. Наконец дело дошло до того, что за счет поддержания статус-кво в Австрии французское правительство пошло на уступки в Африки в пользу Италии. Второй формой выражения новой концепции французское правительство предприняло шаги к Советскому Союзу тоже с целью стабилизировать разрешения средневропейского вопроса в целом и внутри этого — австрийского вопроса. Если первая формула решения (т. е. посредством Италии) потерпела крах вследствие абиссинского кризиса и в связи с этим поворота Италии к Германии, то вторую формулу само французское правительство не доводило до конца.

Тем самым попытка организации антигерманских сил этого района (Дунайский пакт) тоже потерпела провал в поворе аншлюсса. Правительство Югославии считало более пригодной власть Германии чем Италии в Австрии. Венгерское правительство рассматривало аншлюсс как вопрос факта и стремилось лишь к тому, чтобы за счет аншлюсса получить от Германии компенсацию. Польское правительство стало предпочитать, чтобы Германия занималась Австрией, чем коридором. Румыния считала, что она не заинтересована в этом вопросе. Бенеш мало что мог сделать, ведь он изолировался и внутри своей страны. Наряду с политическими причинами большой вес имело то, что германский рынок и экономические связи с Германией имели первостепенную важность для вышеупомянутых стран, но определенную роль сыграло и враждебное поведение, происходящее из прошлого или же равнодушие значительной части политического общественного мнения по отношению к судьбе Австрии.

Таким образом аншлюсс как полный крах политики Франции, проводимой ею 20 лет в отношении Средней Европы, совершился в такой обстановке, что он не вызывал энергичного протеста. После неоднократных отступлений Франция окончательно потеряла возможность, открывавшийся для нее в 1918 году в Средней Европе.

Дь. Эмбер: Центральные органы власти австрийской империи, 1711—1765

В вступительной части статьи дается общая характеристика центральной организации правления австрийской империи Габсбургов, подчеркивая двойственность — императорский, абсолютистский характер, с одной стороны, и сословный характер с другой стороны — этой организации, та также противоречия, вытекающие из этой двойственности. Автор статьи классифицирует центральные органы власти так, что различает совещательные, консультативные органы от исполнительных, а также общие органы власти, действовавшие по территориальным принципам, от отраслевых органов власти, действовавших на объективной основе и устанавливает, что тенденция развития поглагоприятствовала последним.

Во второй части статьи дается обзор о консультативных органах императора, о депутациях и конференциях, сменивших придворные и тайные советы прежних веков и носившие разные наименования. Наиболее детально излагается государственный совет, образованный в 1761 году и действовавший по совершенно новым соображениям. Автор статьи констатирует, что начало просвещенного этапа имперского абсолютизма в австрийской империи можно считать с начала деятельности государственного совета, т. е. с 1761 г.

В третьей части статьи говорится о придворных органах власти политического характера, в первую очередь о придворных канцеляриях, так напр. о государственной канцелярии, которая была создана в 1742 году и постепенно принимала ведение иностранных дел при дворе. В этой части говорится далее о различных отраслевых ведомствах, вышедших из канцелярий, в первую очередь о ведомствах юстиции, торговли и транспортного хозяй-

ства, о временном прекращении австрийской и чешской придворных канцелярий в период между 1749 и 1761 годами.

Наиболее подробной является четвертая часть, посвященная чрезмерно бурной истории финансовых органов венского двора, различным реформам, проводимым Каролом III в 1710 и Мамией Терезией в 1740, которые в конечном счете были безуспешны и наиболее прочным придворным органом по финансовым делам оказалась государственная казна, имевшая многовековое прошлое.

В пятой части статьи изучаются придворные органы торговли и транспортного хозяйства, торговое управление и торговый совет. Хозяйственная политика последнего оказала отрицательное влияние на экономическое развитие Венгрии.

В шестой части рассматривается история двух военных властей, а именно — придворного военного совета и главного интендантского ведомства.

Наконец в седьмой — наименьшей по объему — части статьи автор пишет о различных придворных специальных комиссиях, вернее о тех их них, которые были компетентны в венгерских делах.

В заключение автор констатирует, что центральные органы власти австрийской империи сыграли решающую роль и в делах Венгрии, хотя это воспрещалось законодательством Венгрии. Их деятельность свидетельствует и о том, что связь Венгрии с австрийской империей представляла не только персональную унию.

Л. Бенцеди: Дело архиепископа Селепченьи и заложение основ абсолютизма Липота осенью 1670 г.

Осенью 1670 года для политической жизни Венгрии была характерна атмосфера страха, вызываемого в среде господствующего класса Венгрии карательными мероприятиями венского двора, последовавшими подавлению сословного восстания, разразившегося весной того года вдоль Верхней Тиссы. Венгерская аристократия и дворянство с правом опасались новой волны арестов. При таких обстоятельствах особое значение имело дело эстергомского архиепископа Селепченьи, которого обвиняла придворная партия — круг венгерского канцлера, епископа г. Нитры Тамаша Палфи — в участии в организации антигабсбургского сословного движения. С целью оправдаться архиепископ лично поспешил в Вену и в начале октября 1670 г. он померился силами со своими противниками. Основываясь на вновь обнаруженных документах автор настоящей статьи показывает эту борьбу, из которой архиепископ вышел победителем. Селепченьи своей победой был обязан главным образом тому, что он пользовался доверием ведущих представителей венгерского дворянства и поддержкой первого министра венского двора герцога Лобковиц, который прочил главу католической церкви на главную опору абсолютистской политики в Венгрии. Победа архиепископа имела общее значение и в таком направлении, что «благоприятное» окончание его дела, а также его личный авторитет и влияние, несомненно, умерили в известной мере политику венского двора в отношении Венгрии, тем самым открыли свободный путь к введению абсолютизма, поставив, однако, его в определенные рамки.

Исход политической борьбы осенью 1670 года означал то, что в фокус абсолютизма Липота в Венгрии попал архиепископ Селепченьи и в его противоречивом поведении нашло выражение нарастающая двойственность противоречий и взаимодействия между венским двором и венгерским крупнопоместным дворянством. Ведь венский двор напрасно выступил с позиции сил, и напрасно обладал всеми преимуществами абсолютизма, проваывавшегося вперед по всей Европе, в Восточной и Центральной Европе — и внутри этого в Венгрии — не были таких общественных и властных отношений, посредством которых борьба заранее оказалась бы безнадежной для сословий, хотя бы они были покорены оружием. В противовес неудовлетворительности условий абсолютизма, в этом районе сословный строй имел невырываемые корни в общественно-экономическом развитии.